

СОВЕТСКИЙ КОСМОС: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 94(47+57):001

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-5-16

Ссылка для цитирования: *Голубев А. В.* НЛО над планетарием: эпистемологическая пропаганда и альтернативные формы знаний о космосе в СССР в 1940–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 5–16.

НЛО НАД ПЛАНЕТАРИЕМ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЙ О КОСМОСЕ В СССР В 1940–1960-Е ГОДЫ

А. В. Голубев

Хьюстонский университет, 77204, США, Хьюстон, ул. Каллен Булевар, 560;

Институт перспективных исследований Рэдклифа Гарвардского университета, 02138, США, Кембридж, ул. Гарден Стрит, 10

avgolubev@uh.edu

ORCID: 0000-0002-2835-0905

ResearcherID: AAG-6990-2020

Рассматриваются происхождение и развитие нарративов об исторических и современных контактах с внеземными цивилизациями (уфологии) в СССР после Великой Отечественной войны. В существующей исследовательской литературе уфология обычно рассматривается как форма квазирелигиозного и мифологического мышления. В данной статье, основанной на материале уфологических дискуссий второй половины 1940–1960-х гг., напротив, утверждается, что развитие альтернативных знаний о космосе было тесно связано с государственной пропагандой научных знаний, тем самым оказываясь – по крайней мере, отчасти – побочным продуктом стремления современных государственных и научных элит сформировать всеобщую научную грамотность. Связь между пропагандой научных знаний, с одной стороны, и ростом популярности альтернативных формам знаний, с другой, демонстрирует ошибочность представлений о научной популяризации как всего лишь об инструменте для передачи научных знаний от экспертов (ученых) широкой публике. Связывая воедино в процессе коммуникации популяризаторов науки и широкие аудитории, советская кампания по пропаганде научных знаний требовала от первых осваивать новые нарративные формы, чтобы апеллировать ко вторым. Однако нарративизация научных знаний для их популяризации выводит научно-популярные жанры из области производства и верификации научного знания и подчиняет их совсем иному, риторическому и литературному, контексту, где, в первую очередь, важны истории как нарративные структуры с развитием сюжета, внутренним конфликтом и иерархией персонажей. Тем самым история уфологии в послевоенном СССР обнажает механизмы формирования эпистемологического многоголосия и разнообразия, которые характеризовали позднесоветское общество.

Ключевые слова: пропаганда научных знаний, научная грамотность, научная популяризация, уфология, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Введение

Развернувшаяся в СССР на рубеже 1940–50-х гг. кампания по борьбе с космополитизмом в сфере науки проявилась в поиске и провозглашении отечественного приоритета в разных областях технического и научного прогресса. Отстаивая ведущую роль И. П. Павлова в физиологии, А. С. Попова в радиотехнике, И. В. Мичурина в биологии и А. Ф. Можайского в самолетостроении, советские популяризаторы науки не заметили, как буквально на их глазах Советский Союз оказался на переднем крае еще в одной области – впрочем, связанной не столько с наукой, сколько с альтернативными формами знания. В противовес расхожим утверждениям о том, что

истоки современной уфологии находятся в США и восходят к так называемому «случаю в Каскадных горах», когда 24 июня 1947 г. американский пилот-любитель Кеннет Арнольд якобы наблюдал несколько неопознанных летающих объектов («летающих тарелок»), в СССР тема посещения Земли представителями иных цивилизаций начала обсуждаться как минимум годом раньше, после того как в январском номере журнала «Вокруг света» за 1946 г. советский инженер и писатель-фантаст А. П. Казанцев выдвинул гипотезу о том, что Тунгусский феномен 1908 г. представлял собой не метеоритный удар, а ядерный взрыв, вызванный аварией инопланетного корабля (Казанцев, 1946). Начиная с 1947 г. эту теорию активно популяризировал в своих работах сотрудник Московского планетария Ф. Ю. Зигель [Сурдин, 2007, с. 23; Журавлев, Зигель, 1994, с. 68–74]. Через его лекции советская публика впервые познакомилась с теорией о том, что контакты с внеземными цивилизациями могут быть научным фактом, а не литературным вымыслом. В течение нескольких последующих лет Казанцев и Зигель выступали с научно-популярными лекциями о Тунгусском феномене, а их теория получила доброжелательное освещение на страницах журналов «Техника – молодежи» и «Наука и жизнь» (Баратова, 1948; Ляпунов, 1950).

В историографии возникновения, развития и распространения альтернативного знания (паранауки), в том числе уфологии, сложилась устойчивая точка зрения на него как на форму новой религиозности – иррациональную по содержанию, а по форме заимствующую сюжеты и образы массовой культуры. Такая интерпретация уфологии получила распространение одновременно с появлением этого феномена. Например, уже в 1961 г. Игорь Акимушкин, известный советский популяризатор науки, писал про «летающие тарелки» как легенды одного ряда с единорогами, василисками, призраками и другими предрассудками, выдающими религиозность и иррациональность мышления их носителей [Акимушкин, 1961, с. 125–129]. В современной российской научной традиции эту линию продолжают работы Александра Панченко и Николая Митрохина [Панченко, 2018; Панченко, 2020; Митрохин, 2020]. Не менее устойчивой является она и в зарубежной науке. Так, Пол Куртц, основатель Комитета скептических расследований и один из ведущих популяризаторов науки в США, охарактеризовал уфологию как «религию для космической эпохи» [Kurtz, 1986, p. 418–446]. Канадский антрополог Грегори Лоуэн рассматривает уфологию как субкультуру и «девиантную систему верований» и утверждает, что ее популярность связана с ощущением социального отчуждения в современном урбанизированном мире; в его интерпретации адепты уфологии используют образы, тиражируемые массовой культурой, чтобы «вернуть зачарованность рационализованному миру» [Loewen, 2006, p. 89–112]. В аналогичных терминах понимают ее и многие другие западные исследователи [Partridge, 2003].

Интерпретация уфологии как формы религиозного мышления, несомненно, оказывается применимой к небольшим и относительно замкнутым группам и сектам, с которыми работали, в частности, Панченко и Лоуэн. Однако подобные случаи описывают совсем незначительную часть производства, хождения и потребления уфологических нарративов в обществе. Как показал ряд недавних исследований, уфологические аудитории оказываются гораздо более широкими, а формы взаимодействия с нарративами – более критичными (или, по крайней мере, менее ревностными), чем подразумевает религиозная модель [Roth, 2005, p. 41–42; Eghigian, 2017]. Во многом уфологические нарративы обязаны своей популярностью массовой культуре. Именно этот аспект еще в 1950-е гг. привлек внимание французского философа и критика Ролана Барта, который интерпретировал интерес современной ему «желтой прессы» и ее читателей к сообщениям об НЛО как реакцию капиталистического общества на холодную войну, а именно вытеснение страха атомной войны и всеобщего уничтожения в сферу внеземного [Bart, 2008]. Аналогичным образом в ряде других работ прослеживается связь между массовой культурой и расцветом уфологии в послевоенных США или в СССР периода «перестройки» [Sandels, 1986; Ramet, 1998]. Наконец, ряд работ прослеживает фольклорные корни уфологических нарративов. В отечественной науке это направление представлено, в частности, пионерской работой В. И. Санарова, опубликованной в 1979 г. в «Советской этнографии» и спустя два года в журнале *Current Anthropology*, где автор выдвинул тезис о том, что рассказы о встречах с инопланетянами строятся по принципам фольклорных сюжетов [Санаров, 1979; Sanarov, 1981], а также в статье С. И. Дмитриевой [Дмитриева, 1994]. Чуть раньше, чем Санаров, о

необходимости смотреть на сообщения об НЛО как на фольклорные сюжеты писала известный американский фольклорист Линда Дег, сформировавшая данное направление в американской науке [Dégh, 1977; Dewan, 2006].

Анализ уфологии как феномена народной или массовой культуры представляется более продуктивным, чем ее понимание как квазирелигии, однако он также упускает важный момент, который я обозначил в начале данной статьи, а именно тесную связь между популяризацией научного знания и распространением альтернативных форм знаний, к которым относится и уфология. В советском историческом контексте теория об инопланетных контактах была связана именно с советской «эпистемологической пропагандой», т.е. с послевоенной кампанией по формированию всеобщей научной грамотности и, в частности, с деятельностью основанного в 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. Всесоюзное общество «Знание»). Будучи массовой организацией (к 1968 г. его численность составляла два миллиона членов (ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1764. Л. 4)), общество – а, точнее, его центральное правление и руководство региональных и местных организаций – очень поверхностно контролировало реальные практики своих членов. Это давало им возможность использовать ресурсы Всесоюзного общества для продвижения своих идей, поиска новых аудиторий и в конечном итоге формирования общественного спроса на «паранормальные» знания. Более того, история альтернативных знаний о космосе в СССР помогает понять общие принципы функционирования альтернативных систем знания в современном обществе безотносительно национальной специфики.

В данной статье, основанной на материале уфологических дискуссий второй половины 1940–1960-х гг., я утверждаю, что вера в «летающие тарелки» оказывается – по крайней мере, отчасти – побочным продуктом стремления современных государственных и научных элит сформировать всеобщую научную грамотность. Иными словами, в отличие от исследователей, которые относят альтернативные формы знаний к сфере религиозности, предрассудков или невежественности, я следую иной традиции, представленной такими учеными, как, например, Бернис Хаусман и Грегори Эгигианом, и рассматривающей эти формы знаний как часть социального измерения науки [Hausman, 2019; Eghigian, 2017]. Связь между официальной и альтернативной наукой наиболее ярко проявляется именно в сфере популяризации научных знаний. История советской уфологии представляет в этом отношении чрезвычайно интересный пример, поскольку в условиях отсутствия «желтой прессы» (основного канала распространения уфологических нарративов на Западе) послевоенное советское общество узнавало о контактах между Землей и внеземными цивилизациями именно из научно-популярных лекций и публикаций.

Тунгусский феномен

Упомянутая в начале статьи гипотеза А. П. Казанцева и Ф. Ю. Зигеля об инопланетной природе Тунгусского космического тела является ранним (вторая половина 1940-х гг.) и симптоматичным примером того, как уфологические нарративы проникали в советское «коллективное воображаемое» через систему популяризации научных знаний. В 1947 г. Казанцев и Зигель разработали текст и драматургию публичной лекции о Тунгусском метеорите для Московского планетария, включавшую визуальные и звуковые эффекты (пролет болида над сибирской тайгой), наглядные материалы (демонстрацию метеоритов) и постановочный диспут между сторонниками трех гипотез: метеоритной, «естественного» ядерного взрыва уранового метеорита и аварии космического корабля пришельцев, причем для публики все три версии подавались как равноценные (Баратова, 1948).

Руководящие кадры советского научного сообщества с самого начала отнеслись к последней гипотезе негативно как к ненаучному и не имеющему педагогической ценности вымыслу. Атаку на лекции Казанцева и Зигеля в Московском планетарии повел, в частности, Комитет по метеоритам АН СССР. В мае 1948 г. его ученый секретарь Е. Л. Кринов вместе с астрономом К. П. Станюковичем и геофизиком В. В. Федынским опубликовали резко критическую статью в «Московском комсомольце», где планетарий обвинялся в потворстве «лжегипотезам», препятствующим рациональной коммуникации научных знаний о метеоритной природе Тунгусского феномена (Станюкович, Федынский, Кринов, 1948). Однако критика не возымела ожидаемого эффекта. Помимо авторитета Казанцева, обеспечившего ему поддержку в литературных и партийных кругах, он, Зигель и другие сторонники гипотезы ядерного взрыва, вы-

званного аварией инопланетного корабля над Тунгуской, указывали, что она гораздо лучше объясняет ряд эмпирических наблюдений, которые ставили в тупик сторонников метеоритной версии Тунгусского феномена: в первую очередь, отсутствие ударного кратера, наличие стоячего леса в эпицентре взрыва и отсутствие осколков метеорита [Бронштэн, 2004, с. 42–44].

Если в научной среде инопланетная гипотеза не получила сколько-нибудь заметного распространения вплоть до Комплексной самостоятельной экспедиции конца 1950-х гг., то в области популяризации научного знания все обстояло по-другому: несмотря на постоянные усилия Метеоритного комитета обеспечить доминирование официальной научной точки зрения в публичном пространстве (Фесенков, Кринов, 1951), о чем Кринов упоминал, в частности, на Четвертой метеоритной конференции (Протокол Четвертой..., 1954, с. 10), уфологические объяснения продолжали пользоваться широкой популярностью среди советской образованной публики. Пикантность этой ситуации добавлял тот факт, что один из учителей Кринова, астроном Г. А. Тихов, еще в 1947 г. основал на базе АН Казахской ССР сектор астроботаники, посвященный изучению марсианской растительности, и развернул активную популяризаторскую деятельность по линии Общества по распространению политических и научных знаний (Тихов, 1948; Тихов, 1953). Зигель с удовольствием ссылался на его работы, которые «не только доказали существование растительной жизни на Марсе, но и открыли многие интересные свойства марсианских растений» и служили доказательством возможности существования высших форм жизни, в том числе и разумной, на других планетах. Именно с опорой на работы Тихова в своей книге «Загадка Марса» он среди прочего упоминал наличие на Марсе разветвленной системы каналов как доказанный наукой факт. «Загадкой» Марса являлось, согласно Зигелю, лишь их происхождение: естественное или искусственное, к чему склонялся сам автор (Зигель, 1952, с. 74).

Спор сторонников метеоритной и инопланетной природы Тунгусского феномена обозначил сложное взаимоотношение между наукой и системой ее популяризации. Используя риторический аппарат научной коммуникации, Казанцев и Зигель успешно апеллировали к советской образованной публике через жанр публичной лекции и выступлений в научно-популярной периодике. «Увлекательность» всегда была важной категорией научной популяризации в СССР (Витухновский, 1980; ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 790. Л. 74; ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1311. Л. 84). В случае с Тунгусским феноменом нарратив о его инопланетном происхождении, возникший в 1946 г. на страницах журнала «Вокруг света» и перекочевавший в Московский планетарий, был идеальным воплощением этой категории, поскольку он вызывал живой отклик в своих аудиториях. Автор упомянутой выше статьи, вышедшей в «Технике – молодежи» в 1948 г., защищала Казанцева и Зигеля от критики Кринова и его коллег-астрономов, акцентируя внимание именно на способности их гипотезы «цеплять» интерес и внимание публики и тем самым делать науку интересной для неспециалистов: «Живость лекции [о Тунгусском феномене] обеспечивается теми интересными научно-фантастическими гипотезами, которые [высказываются] по ходу лекции... В ходе спора слушателей знакомят не только с тунгусским метеоритом, но и с интересными проблемами использования атомной энергии, межпланетных путешествий, обитаемости планет» (Баратова, 1948, с. 26).

Однако подобная инструментализация уфологического нарратива оказывалась не более чем иллюзией, поскольку как минимум часть его аудитории гораздо больше интересовалась самим нарративом, чем теми научными знаниями, интерес к которым он должен был спровоцировать. Еще более отчетливо эта тенденция прослеживается в деятельности другого пионера советской уфологии Ю. А. Фомина.

Пришествие «летающих тарелок»

Ю. А. Фомин, профессиональный ученый-физик, работал во второй половине 1950-х гг. в должности старшего преподавателя на кафедре электротехники Московского института пищевой промышленности. В 1956 г. он стал читать лекции по линии Общества по распространению политических и научных знаний на такие темы, как современные знания о космосе и авиакосмические технологии. Как член общества он получил доступ в библиотечный спецхран, где начал знакомиться с современной западной литературой по этим вопросам. Так он узнал об американских проектах по изучению НЛО. К этому времени два из них («Знак» 1947 г. и «Зависть» 1949 г.) уже завершились, однако продолжалась «Синяя книга» – масштабный проект, запущенный в 1951 г. и активно функционирующий вплоть до 1969 г. [Eghigian, 2017,

р. 616–618]. Как вспоминал сам Фомин в интервью, датированным 2001 г., изначально он стал упоминать об изучении западными странами феномена НЛО в качестве риторического приема, позволявшего ему удерживать внимание аудитории: «Там, где я читал лекции про жизнь во Вселенной, я постепенно, в виде приложения, стал рассказывать и о “летающих тарелках”». Я никак их не комментировал, просто говорил, что есть и такое... и кратко рассказывал историю НЛО. Это тогда взбудоражило всю Москву, и меня стали просить читать этот материал в других организациях... В Москве я, наверное, прочитал около полутора сотен лекций в самых различных организациях. Кое-где эти лекции записывали на пленку, а потом распечатывали. Копии ходили по Москве, их распространение приняло массовый характер» (Фомин, 2011, с. 2).

Несмотря на то что интервью было опубликовано в журнале, специализирующемся на паранормальной тематике, и содержало в себе отсылки к альтернативным научным теориям, описываемый Фоминым исторический контекст представляется достоверным и, кроме того, верифицируется другими историческими источниками (Арцимович, 1961). Как видно из приведенного отрывка, именно неожиданно позитивный отклик среди его аудиторий заставил Фомина более последовательно заняться изучением НЛО и распространением уфологических знаний. В том же интервью он упоминал о том, что вскоре после того, как он начал включать в свои лекции уфологические материалы, к нему начали подходить слушатели, которые рассказывали о случаях наблюдения необъяснимых явлений, что позволило ему выстроить собственный архив свидетельств об НЛО (Фомин, 2011, с. 4). Тем самым работа в системе пропаганды научного знания фактически сформировала его нарратив о постоянных посещениях Земли представителями иных миров. Наиболее парадоксальным в этой истории является то, что Фомин читал лекции на эту тему в течение почти пяти лет, с 1956 г. по конец 1960 г., «в самых различных организациях», и при этом его деятельность осталась незамеченной московской городской организацией Общества по распространению политических и научных знаний, по путевкам которой он выступал. Впрочем, парадокс здесь только кажущийся. Общество было изначально основано как работающая на принципе самоокупаемости организация, основной источник доходов которой составляли публичные лекции и издательская деятельность (ГАРФ. Р-9547. Оп. 1. Д. 1. Л. 13). Неудивительно, что и центральное правление, и региональное руководство были озабочены массовостью популяризаторской работы, ведь от этого зависел бюджет общества. В его архиве отложились многочисленные материалы, свидетельствующие о том, что местные и региональные организации осознанно шли на нарушение правил контроля над содержанием публичных лекций в тех случаях, когда лектор пользовался популярностью и мог обеспечить выполнение и перевыполнение плана (ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 456в. Л. 151–157; ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 790. Л. 107–146). Фомин, очевидно, оказался именно в этой категории популярных лекторов, не нарушавших открыто свой мандат по распространению научных знаний (как и Казанцев с Зигелем, Фомин подавал информацию об НЛО в формате гипотезы (Фомин, 2011, с. 5)) и при этом приносивших прибыль своему отделению общества.

Лекции Фомина прекратились лишь в январе 1961 г. после прямого вмешательства советской научной номенклатуры в лице академика Л. А. Арцимовича, опубликовавшего в «Правде» статью под названием «Миф о “летающих тарелках”». Начинаясь с обвинения «некоторых лекторов» в том, что они рассказывают о космических кораблях пришельцев как о «правдоподобных фактах», статья давала краткий обзор изучения феномена НЛО в США и сводила все эти явления к различным природным явлениям и оптическим иллюзиям, а раздутую вокруг них шумиху – к погоне американской прессы за сенсациями. Однако Арцимовичу также нужно было объяснить, почему подобная «недобросовестная и антинаучная информация» пользовалась спросом в советском обществе, и здесь в качестве причины ему пришлось указать на сбой в кампании по распространению знаний о космосе:

«Разговоры [об НЛО], получившие такое широкое распространение за последнее время, имеют один и тот же первоначальный источник – недобросовестную и антинаучную информацию, которая содержалась в докладах, прочитанных в Москве некоторыми совершенно безответственными лицами... сыгравши[ми] на том естественном интересе, с которым у каждого из нас связано все, относящееся к космосу. В результате перед доверчивой аудиторией появилась самая низкопробная информация... К этим “захватывающим” сведениям добавилось также множество туманных слухов о появлении космических тарелок над городами Узбекистана и

Таджикистана. При этом сообщалось даже, что миниатюрные венерианцы, спустившиеся на Землю, немедленно разбежались во все стороны в поисках дешевых восточных сладостей. Дополнительным элементом, усилившим интерес к “летающим тарелкам”, явилась фотография тарелки, снятая в одном из северных районов страны» (Арцимович, 1961)¹.

Дискредитируя уфологию с авторитетной позиции официальной науки, Арцимович вытеснил ее как метафорически в область фантазии и авантюризма, так и метонимически на национальную периферию СССР – ориентализированное пространство, сведения откуда являются заведомо недостоверными. Однако он тут же был вынужден признать, что средством распространения уфологии стала система пропаганды научных знаний, которая дала «совершенно безответственным лицам» не только трибуну для их выступлений, но еще и возможность построить сеть корреспондентов в советских регионах.

Что рассказала уфология о научной популяризации?

В своих рассуждениях о популяризации науки Арцимович в частности и советская научная номенклатура, в целом совершенно очевидно считали ее нейтральным средством и каналом передачи знаний обществу, руководствуясь так называемой моделью «дефицита знаний», лежащей в основе советской (и не только) кампании по распространению научных знаний. Исходным положением этой модели является априорная невежественность (тот самый «дефицит знаний») и иррациональность общества, препятствующая социальному прогрессу; устранить этот недостаток и призвана коммуникация научных знаний широким массам, понимаемая как односторонний (от ученых к обществу) и «прозрачный» процесс [Irwin, Michael, 2003, p. 8, 17–18, 26–27; Абрамов, Кожанов, 2015]. Отсюда вытекало распространенное в официальной научной среде убеждение, что достаточно убрать людей вроде Феликса Зигеля и Юрия Фомина из рядов популяризаторов науки и публично дискредитировать их идеи, и проблема увлеченности советских слушателей и читателей темой НЛО будет решена. Помимо публикации Арцимовича в «Правде» и ряда других выступлений в научно-популярной прессе и литературе (Еремин, 1961; Микиров, 1961), в 1962 г. с этой целью был опубликован русский перевод антиуфологической книги профессора астрофизики Гарвардского университета Дональда Мензела «О летающих тарелках» (Мензел, 1962).

Подобная позиция упускала несколько важных моментов. Сам по себе размах советской кампании по популяризации науки и бурный рост Общества по распространению политических и научных знаний в совокупности с описанной выше необходимостью поддерживать самоокупаемый бюджет создавал потенциальный разрыв между официальным мандатом общества и реальными практиками его членов, которые могли использовать научно-популярные форматы для коммуникации своих – часто отличающихся от общепринятых в науке – идей. За те пять лет, что Фомин читал лекции о «летающих тарелках», численность общества выросла втрое: если в 1956 г. оно официально насчитывало 323 000 членов, то в 1961 г. – уже 1 млн (Кириллин, 1964). В условиях массовой лекционной деятельности его руководящие органы оказались неспособны обеспечить тщательное соблюдение контроля над содержанием лекций. Это видно как из того факта, что Юрий Фомин беспрепятственно рассказывал про НЛО в лекциях по линии общества в течение почти пяти лет, так и из того, что Феликс Зигель все это время был его активным членом, продолжая отстаивать гипотезу об обитаемом Марсе и возможности посещения Земли представителями иных цивилизаций как в лекциях, так и в публикациях в научно-популярной прессе (Зигель, 1960; Зигель, 1965). Из членов общества «Знание» Зигеля исключили лишь в 1976 г. (Зигель, 1978).

Более того, в 1959 г. уфологическое знание, этот побочный продукт популяризации научных знаний, своеобразным бумерангом вернулось в научное сообщество, когда группа молодых ученых из Томска организовала так называемую комплексную самостоятельную экспедицию (КСЭ), оснащенную самым современным на тот момент оборудованием, чтобы проверить инопланетную гипотезу Тунгусского феномена. Не подтвердив, но и не опровергнув эту гипотезу, экспедиция – на этот раз в гораздо более многочисленном составе – повторилась в следующем 1960 г. [Поправко, Чалаков, 2019]. К этому времени ее работа получила такую известность, что поддержку экспедиции оказали Особое конструкторское бюро № 1 (ОКБ-1) и лично ее руководитель С. П. Королев, который выделил материальную помощь своим сотрудникам, вызвавшимся участвовать в экспедиции в качестве добровольцев (среди них был будущий кос-

монавт Г. М. Гречко), и даже предоставил для поисков принадлежащий ОКБ-1 вертолет (Гречко, 1989, с. 7).

К тому же 1959 г. относятся и два других знаковых события в сфере альтернативных знаний о космосе. Первым из них было публичное заявление советского астронома и популяризатора науки И. С. Шкловского об искусственной природе Фобоса, которое он повторил в двух первых изданиях своей знаменитой научно-популярной книги «Вселенная, жизнь, разум» и в ее англоязычном издании, подготовленном совместно с Карлом Саганом (Искусственные спутники..., 1959; Шкловский, 1962, с. 163–165; Shklovskii, Sagan, 1965, p. 373–376). Лишь в 3-м издании 1973 г., значительно переработанном после полетов на Марс советских и американских автоматических станций, Шкловский поместил опровержение своей гипотезы (Шкловский, 1973, с. 222–223) и, начиная с 4-го издания 1976 г., уже полностью снял это утверждение (Шкловский, 1976, с. 219). Вторым было выступление математика М. М. Агреста с теорией палеоконтакта. Агрест, все тот же А. П. Казанцев и вслед за ними преподаватель филологического факультета ЛГУ В. К. Зайцев, в частности, ввели в широкий культурный оборот корпус свидетельств о предполагаемых контактах между историческими культурами Земли и внеземными цивилизациями, включавший Баальбекскую террасу, общий сюжет в мифах разных народов о сошедших с неба богах, библейский миф о Содоме и Гоморре как свидетельство ядерного взрыва и пр. Этот корпус фактически сразу же стал общим местом поздней советской культуры через всю ту же систему популяризации научного знания – научно-популярных книг и периодики (наиболее заметным был журнал «Техника – молодежи», в котором в 1965 г. появился отдельный раздел «Антология таинственных случаев»), лекций, телепередач и даже кинематографа: в 1972 г. в советском кинопрокате прошел показ западногерманского фильма «Воспоминания о будущем» [Панченко, 2018; Первушин, 2019]². Фильм был подвергнут уничижающей критике в журнале «Наука и жизнь», но в то же время один из ее авторов был вынужден признать: «В нашем кинопрокате, пожалуй, не было научно-популярного фильма, который пользовался бы таким успехом. В кинотеатрах выстраивались очереди. Фильм обсуждали все. Он великолепно снят и смонтирован» (Монгайт, 1973, с. 89).

Таким образом, когда участники Четвертой метеоритной конференции 1952 г. обсуждали, что необходимо отстранить Феликса Зигеля от лекций в Московском планетарии или когда академик Арцимович намекал фактически открытым текстом на необходимость удаления Юрия Фомина из членов Общества по распространению политических и научных знаний, они упускали из внимания то, что Маршалл Маклюэн описал в лаконичной и хлесткой фразе «средство коммуникации и есть сообщение», и то, что Роман Якобсон заложил в свою модель коммуникации, когда указал адресата сообщения как фактор, непосредственно влияющий на его содержание (Маклюэн, 2003; Якобсон, 1975). Популяризация науки оказалась тем самым «средством коммуникации», которое не только служило каналом передачи информации из научного сообщества в «народные массы», но и создавало свое собственное сообщение. Связывая воедино в процессе коммуникации популяризаторов науки и широкие аудитории, советская кампания по пропаганде научных знаний требовала от первых осваивать новые нарративные формы, чтобы апеллировать ко вторым. Иными словами, популяризация науки нуждалась в историях как нарративных структурах с развитием сюжета, внутренним конфликтом и иерархией персонажей: именно такая подача информации находила максимальный отклик среди аудитории.

Это наблюдение далеко не ново. Так, Нассер Закария в своей монографии «Последняя история: наука, миф и начала» показывает, как сложившийся в XIX в. жанр истории Вселенной, сводивший воедино естественную и человеческую историю и, в отличие от специализированной научной литературы, изначально направленный на широкую образованную аудиторию, использовал нарративные структуры мифа и эпоса. Но, поскольку «миф и эпос несут огромный концептуальный и культурный багаж, отличающейся от науки», обращение к их нарративным структурам неизбежно вело к тому, что данный жанр стал подчиняться законам литературного текста [Zakariya, 2017, p. 8–12]. Схожим образом нарративизация научных знаний для их популяризации в СССР выводила научно-популярные жанры из области производства и верификации научного знания и подчиняла их совсем иному, риторическому и литературному, контексту, где эффективность высказывания определялась наличием притягательной истории, а его научность конструировалась риторически. Неудивительно, что некоторые из советских попу-

ляризаторов науки обращались к альтернативным формам знания, ведь они оказывались риторически гораздо более эффективными, чем академическая наука с ее трудоемкими, терминологически нагруженными и методологически неинтуитивными процедурами производства и верификации нового знания. В начале этой статьи я упомянул работы В. И. Санарова, Л. Дег и других исследователей, обративших внимание на то, что уфологические нарративы заимствуют принципы сюжетостроения из фольклора и массовой культуры. Именно поэтому, в силу укорененности уфологии в поэтике массового текста, она получила распространение в пропаганде и потреблении научных знаний в СССР. И хотя руководство АН СССР делало все, что было в его силах для дискредитации альтернативных форм знания, эти усилия были тщетными: советская кампания по распространению массовой научной грамотности фактически сама создавала сообщества приверженцев альтернативных знаний и представляла им ресурсы и аудитории для популяризации их теорий.

Связь советской эпистемологической пропаганды и альтернативных форм знания объясняет и то, почему последние получили преимущественное распространение в среде советского «образованного класса», что, помимо упомянутых выше работ Панченко и Митрохина, отмечали Владимир Комиссаров и Илья Кукулин. Кукулин в своей статье сделал акцент на техническую интеллигенцию (инженерно-технических работников, или ИТР) как основного потребителя, а научно-технические журналы – как главных проводников уфологических, парапсихологических, эзотерических и аналогичных идей в СССР [Кукулин, 2017]. Комиссаров, Панченко и Митрохин, в свою очередь, показали отсутствие принципиальных различий между «физиками» и «лириками» (так, тексты Агреста и Зайцева о палеоконтакте были опубликованы не в научно-технических, а в литературных периодических изданиях «На суше и на море» и «Байкал»), но при этом также связали распространение идей «советского нью-эйджа» с определенными социальными группами: академической элитой у Панченко и советской интеллигенцией в целом у Комиссарова и Митрохина [Комиссаров, 2019; Панченко, 2019; Митрохин, 2020]. Мой анализ показывает, что эта связь была не прямой, а опосредованной, при этом «посредником» служили не столько научно-технические журналы, сколько система советской эпистемологической пропаганды как таковая. Вербуй представителей советской интеллигенции в ряды «пропагандистов знаний» – будь то через членство в Обществе по распространению политических и научных знаний или авторство научно-популярных статей и книг, – советская кампания по распространению научных знаний сталкивала их с нарративными структурами альтернативного знания, и многие из них в конечном итоге начинали воспроизводить их в своей популяризаторской или повседневной деятельности. Они же оказывались основными потребителями этих структур через посещение публичных лекций, чтение научно-популярной литературы и подписку на научно-популярную периодику и серии брошюр общества. В конечном итоге, этот процесс стимулировал интерес к самым разным формам знания в советском обществе, особенно в его образованном классе, и способствовал формированию эпистемологического многоголосия и разнообразия, характеризовавшего период позднего социализма.

Примечания

¹ Более поздняя публикация в «Вечерней Москве» уже открыто называла Юрия Фомина проходимцем, использовавшим «высокую трибуну лектора... для распространения антинаучных сенсационных сообщений зарубежной печати» (Еремин, 1961).

² Панченко ошибочно указывает год выхода картины в советский прокат как 1970 г. В действительности это год производства фильма, который на советском экране появился только в конце 1972 г.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 456в. Л. 151–157; Д. 790. Л. 74, 107–146; Д. 1311. Л. 84; Д. 1764. Л. 4.
- Арцимович Л.А. Миф о «летающих тарелках» // Правда. 1961. 8 января.
- Баратова С. О фантастике и людях без крыльев // Техника – молодежи. 1948. № 9. С. 26–27.
- Витухновский А.Л. Культура лекторского труда. М.: Знание, 1980.
- Гречко Г.М. Старт в неизвестность: документальные записки. М.: Правда, 1989.
- Еремин Ю. «Гости из космоса». Об одном недобросовестном лекторе // Вечерняя Москва. 1961. 28 января.

- Зигель Ф.* Вселенная полна загадок. М.: Детгиз, 1960.
- Зигель Ф.* Загадка Марса. М.; Л.: Детлит, 1952.
- Зигель Ф.* Каналы Марса // Наука и жизнь. 1965. № 4. С. 57–61.
- Зигель Ф.* Наблюдения НЛО в СССР [Электронный ресурс]. 1978. Вып. III. URL: https://www.mnogobook.ru/nauka_obrazovanie/nauchnaya_literatura_prochee/313740/fulltext.htm. (дата обращения: 10.06.2019).
- Искусственные спутники Марса: интересная гипотеза советского ученого // Комсомольская правда. 1959. 1 мая.
- Казанцев А.П.* Взрыв // Вокруг света. 1946. № 1. С. 39–46.
- Кириллин В.* Знания – народу // Наука и жизнь. 1964. № 7. С. 2–7.
- Ляпунов Б.* Из глубины Вселенной // Знание – сила. 1950. № 10. С. 4–7.
- Мензел Д.* О «летающих тарелках». М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Микиров А.* Есть ли «летающие тарелки»? // Комсомольская правда. 1961. 8 января.
- Монгайт А.* О науке истории // Наука и жизнь. 1973. № 7. С. 85–93.
- Протокол Четвертой метеоритной конференции // Метеоритика. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. XI. С. 5–23.
- Станюкович К.П., Федынский В.В., Кринов Е.Л.* О так называемой «загадке» Тунгусского метеорита // Московский комсомолец. 1948. 29 мая.
- Тихов Г.А.* Астробиология. М.: Молодая Гвардия, 1953.
- Тихов Г.А.* Новейшие исследования по вопросу о растительности на планете Марс: стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории О-ва по распространению полит. и науч. знаний в Москве. М.: Правда, 1948.
- Фесенков В.Г., Кринов Е.Л.* Тунгусский метеорит или... марсианский корабль? // Литературная газета. 1951. 4 августа.
- Фомин Ю.А.* Неизвестное интервью. К десятилетней годовщине памяти ученого, мыслителя, человека // Аномалия. 2011. № 4. С. 2–9.
- Шкловский И.С.* Вселенная, жизнь, разум. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Шкловский И.С.* Вселенная, жизнь, разум. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1973.
- Шкловский И.С.* Вселенная, жизнь, разум. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1976.
- Shklovskii I.S., Sagan C.* Intelligent Life in the Universe. San Francisco: Holden-Day Inc., 1966.

Библиографический список

- Абрамов Р.Н., Кожанов А.А.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 2. С. 45–59.
- Акимушкин И.* Тропую легенд. М.: Молодая гвардия, 1961.
- Барт Р.* Марсиане // Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 103–106.
- Бронштэн В.А.* Кирилл Петрович Станюкович, 1916–1989. М.: Наука, 2004.
- Дмитриева С.И.* Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (Былички и рассказы об НЛО) // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 97–109.
- Журавлев В.К., Зигель Ф.Ю.* Тунгусское диво. История исследования Тунгусского метеорита. Новосибирск: ЦЭРИС, 1994.
- Комиссаров В.В.* Функциональное значение паранауки в жизни советской интеллигенции 1960–80-х гг. // Интеллигенция и мир. 2019. № 3. С. 9–19.
- Кукулин И.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 61–85.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.
- Митрохин Н.* Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 163 (3). С. 24–37.
- Панченко А.А.* «Эра Водолея» для строителей коммунизма: культура нью-эйджа в позднесоветском обществе и проблема «переломных эпох» // Новое литературное обозрение. 2018. № 1. С. 300–317.
- Панченко А.А.* Уфология как религия // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. С. 24–37.

- Первушин А.* Космическая мифология: от марсианских атлантов до лунного заговора. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2019.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х.* Комплексная самодеятельная экспедиция по изучению тунгусского метеорита: поиски альтернативных форм социальности глубокого космоса в недрах советской науки // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 49–66.
- Санаров В.И.* НЛО и энлонавты в свете фольклористики // Советская этнография. 1979. № 2. С. 145–154.
- Сурдин В.Г.* НЛО: записки астронома. Фрязино: Век 2, 2007.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
- Dégh L.* UFO's and How Folklorists Should Look at Them // *Fabula*. 1977. Vol. 18, iss. 3. P. 242–248.
- Dewan W.J.* A Saucerful of Secrets: An Interdisciplinary Analysis of UFO Experiences // *Journal of American Folklore*. 2006. Vol. 119, no. 427. P. 184–202.
- Eghigian G.* Making UFOs Make Sense: Ufology, Science, and the History of their Mutual Mistrust // *Public Understanding of Science*. 2017. Vol. 26, iss. 5. P. 612–626.
- Hausman B.L.* *Anti/Vax: Reframing the Vaccination Controversy*. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
- Irwin A., Michael M.* *Science, Social Theory and Public Knowledge*. Maidenhead, Berkshire: Open University Press, 2003.
- Kurtz P.* *The Transcendental Temptation*. Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1986.
- Loewen G.V.* *How Can We Explain the Persistence of Irrational Beliefs? Essays in Social Anthropology*. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2006.
- Partridge C.* *UFO Religions*. London: Routledge, 2003.
- Ramet S.P.* UFOs over Russia and Eastern Europe // *Journal of Popular Culture*. 1998. Vol. 32, iss. 3. P. 81–99.
- Roth C.* Ufology as Anthropology // *E.T. Culture. Anthropology in Outerspaces*. Durham: Duke University Press, 2005. P. 41–42.
- Sanarov V.I.* On the Nature and Origin of Flying Saucers and Little Green Men // *Current Anthropology*. 1981. Vol. 22, no. 2. P. 163–167.
- Sandels R.* UFOs, Science Fiction and the Postwar Utopia // *Journal of Popular Culture*. 1986. Vol. 20, iss. 1. P. 141–151.
- Zakariya N.* *A Final Story: Science, Myth, and Beginnings*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.01.2021

**A UFO OVER A PLANETARIUM:
EPISTEMOLOGICAL PROPAGANDA AND ALTERNATIVE FORMS
OF KNOWLEDGE ABOUT THE OUTER SPACE IN THE USSR,
1940s – 1960s**

A. V. Golubev

University of Houston, 3553 Cullen Boulevard, 77204, Houston, TX, USA
Radcliffe Institute for Advanced Study, Harvard University, 10 Garden Street, 02138, Cambridge, MA, USA
avgolubev@uh.edu
ORCID: 0000-0002-2835-0905
ResearcherID: AAG-6990-2020

The article examines the origins and development of narratives about historical and present-day contacts with alien civilizations (ufology) in the USSR after World War II. The current research literature usually interprets ufology as a form of quasi-religious and mythological thinking, yet my study of the genealogy of Soviet ufology demonstrates that the development of alternative knowledge about the outer space was a by-product of the state-sponsored propaganda of scientific knowledge. This relationship suggests that the common understanding of the public communication of science as a mere tool for the transfer of knowledge from experts (scholars) to the public is simplistic and misleading. By bringing together science popularizers and broad audiences in a communication chain, the post-

WWII Soviet mass scientific literacy campaign required the former to master new narrative forms to appeal to the latter. The narrativization of science for its public communication means that popular science genres exist in a rhetorical and literary context, rather than belonging to the domain of the production and verification of scientific knowledge. This makes stories and their structural elements (plot development, internal conflict, and the hierarchy of characters) a key aspect of science communication. Consequently, a history of ufology in the post-World War II USSR serves as an illustrative case revealing how the epistemological polyphony and diversity emerged in late Soviet society.

Key words: propaganda of scientific knowledge, scientific literacy, public understanding of science, ufology, All-Union Society for Dissemination of Political and Scientific Knowledge.

References

- Abramov, R.N. & A.A. Kozhanov (2015), "The conceptualization of the phenomenon of popular science: models of interaction between science, society, and mass media", *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, Vol. 6, № 2, pp. 45–59.
- Akimushkin, I. (1961), *Tropoyu legend* [On the pathway of legends], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia, 312 p.
- Bart, R. (2008), "Martians", in Bart, R. *Mifologii* [Mythologies], Akademicheskiy proekt, Moscow, Russia, pp. 103–106.
- Bronshiten, V.A. (2004), *Kirill Petrovich Stanyukovich, 1916–1989*, Nauka, Moscow, Russia, 140 p.
- Dégh, L. (1977), "UFO's and How Folklorists Should Look at Them," *Fabula*, vol. 18, iss. 3, pp. 242–248.
- Dewan, W.J. (2006), "A Saucerful of Secrets: An Interdisciplinary Analysis of UFO Experiences," *Journal of American Folklore*, vol. 119, № 427, pp. 184–202.
- Dmitrieva, S.I. (1994), "Mythological beliefs of the Russian people in the past and present (memorates and accounts about UFOS)", *Etnograficheskoe obozrenie*, № 6, pp. 97–109.
- Eghigian, G. (2017), "Making UFOs make sense: Ufology, science, and the history of their mutual mistrust," *Public Understanding of Science*, vol. 26, iss. 5, pp. 612–626.
- Hausman, B.L. (2019), *Anti/Vax: Reframing the Vaccination Controversy*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 275 p.
- Irwin, A. & M. Michael (2003), *Science, Social Theory and Public Knowledge*, Open University Press, Maidenhead, Berkshire, USA, 175 p.
- Komissarov, V.V. (2019), "The functional meaning of parascience among the Soviet intelligentsia in the 1960s – 1980s", *Intelligentsiya i mir*, № 3, pp. 9–19.
- Kukulin, I. (2017), "Periodicals for Engineers: Soviet popular-science magazines and the engineering of interests of late Soviet scientific-technical intelligentsia", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 145, pp. 61–85.
- Kurtz, P. (1986), *The Transcendental Temptation*, Prometheus Books, Buffalo, N.Y., USA, 500 p.
- Loewen, G.V. (2006), *How Can We Explain the Persistence of Irrational Beliefs? Essays in Social Anthropology*, The Edwin Mellen Press, Lewiston, USA, 236 p.
- McLuhan, M. (2003), *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man], Kanon-Press-Ts, Moscow, Russia, 464 p.
- Mitrokhin, N. (2020), "Soviet intelligentsia in search of a miracle: Religiosity and parascience in the USSR in 1953–1985", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 163, pp. 24–37.
- Panchenko, A.A. (2018), "«The Age of Aquarius» for the builders of Communism: The culture of New Age in late Soviet society and the problem of a «watershed period»", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 149, pp. 300–317.
- Panchenko, A.A. (2020), "Ufology as a religion", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 163, pp. 24–37.
- Partridge, C. (ed.) (2003), *UFO Religions*, Routledge, London, UK, 400 p.
- Pervushin, A. (2019), *Kosmicheskaya mifologiya: Ot marsianskikh atlantov do lunnogo zagovora* [Space mythologies: from Martian Atlanteans to the Moon hoax], Al'pina Non-Fikshn, Moscow, Russia.
- Popravko, I.G. & I.Kh. Chalakov (2019), "The Complex Tunguska Meteor Amateur Research Expedition: A search of alternative forms of sociality of the deep space in Soviet science", *Etnograficheskoe obozrenie*, № 6, pp. 49–66.
- Ramet, S.P. (1998), "UFOs over Russia and Eastern Europe", *Journal of Popular Culture*, vol. 32, iss. 3, pp. 81–99.

- Roth, C. (2005), “Ufology as Anthropology,” in Battaglia, D. (ed.), *E.T. Culture. Anthropology in Outerspaces*, Duke University Press, Durham, USA, pp. 41–42.
- Sanarov, V.I. (1979), “NLO i enlonavty v svete fol'kloristiki”, *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 145–154.
- Sanarov, V.I. (1981), “On the Nature and Origin of Flying Saucers and Little Green Men,” *Current Anthropology*, vol. 22. № 2, pp. 163–167.
- Sandels, R. (1986), “UFOs, Science Fiction and the Postwar Utopia,” *Journal of Popular Culture*, vol. 20, iss. 1, pp. 141–151.
- Surdin, V.G. (2007), *NLO: Zapiski astronoma* [UFOs: The astronomer’s notes], Vek 2, Fryazino, Russia, 64 p.
- Yakobson, R. (1975), “Linguistics and poetics”, in Basin, E.Ya. & M.Ya. Polyakov (eds.), *Strukturalizm: “za” i “protiv* [Structuralism: pros and cons], Progress, Moscow, Russia, pp. 193–230.
- Zakariya, N. (2017), *A Final Story: Science, Myth, and Beginnings*, University of Chicago Press, Chicago, USA, 562 p.
- Zhuravlev, V.K. & F.Yu. Zigel' (1994), *Tungusskoe divo. Istoriya issledovaniya Tungusskogo meteorita* [The wonder of Tunguska: A history of research of the Tunguska meteorite], TsERIS, Novosibirsk, Russia, 456 p.